У каждого исполнителя есть композитор, который ему ближе и дороже других. Для меня таким композитором всегда был Сергей Васильевич Рахманинов.

Если бы меня спросили, почему я выделяю его из многих, может быть, не менее талантливых и великих, я бы ответила: «Мы ценим любого художника прежде всего за его национальный характер, за способность выразить свое время, мысли и чувства современников». А Рахманинов — до мозга костей русский художник. Достаточно вспомнить хотя бы такие широко известные его произведения, как кантата «Весна» на слова Некрасова, Второй концерт, романсы «В молчаньи ночи тайной», «Не пой, красавица».

Судьба композитора сложилась трагически. Он не понял событий Октября. Тяжелое положение молодой Советской республики, голод, разруха, потребовавшие мобилизации всех сил для восстановления и подъема из руин нового государства, создали у него ложное ощущение, что теперь для музыки не останется ни места, ни времени. И он покинул Родину. Но жизнь жестоко наказала его за эту, ставшую роковой ошибку. Все,

что создано Рахманиновым за рубежом, каждая нота его сочинений — будь то «Три русские песни» для хора и оркестра, или Рапсодия на тему Паганини для фортепиано и оркестра, или, может быть, самое гениальное из всего, что создал композитор, «Симфонические танцы», — все это безысходная тоска одинокого, затерянного на чужбине человека, всеми помыслами своими связанного с Родиной.

Не случайно, наверное, в беседе с одним американским корреспондентом в середине 30-х годов Сергей Рахманинов с горечью признавался, что у художника, добровольно лишившегося родных корней, не остается ничего, кроме «безмолвия воспоминаний».

В самом начале Великой Отечественной войны Рахманинов выступает в нескольких концертах, сборы от которых отдает в фонд обороны нашей Родины. И уже совсем больной ни на минуту не разрешает выключать в своей комнате радио, настроенное на волну Москвы.

Эта любовь к Родине ощущается в каждом произведении Рахманинова. Взять хотя бы медленные части его симфоний и его фортепианные концерты — их я особенно люблю за удивительную протяженность, как бы бесконечность мелодий,— слушая их, невольно представляешь бескрайность русских полей, окаймленных трогательными березками, сквозь ветви которых просвечивают то извилистая водная гладь, то безоблачное синее небо. И кажется, что над всем этим простором льется нескончаемая русская песня — ее в народе обычно так и называют — «протяжная», «долгая».

Есть у Рахманинова и еще одно замечательное качество: когда слушаешь его музыку, кажется, будто она рождается на твоих глазах и исполнители и слушатели причастны к этому великому акту творчества. Начинает, к примеру, рисовать Рахманинов какой-нибудь лирический образ, и вас сразу захватывает ощущение щедро рассыпанной вокруг красоты. И с каждым новым поворотом мелодии это ощущение растет, крепнет, заражая своей силой и страстностью слушателей. Таков Рахманинов в любой из трех его симфоний и четырех фортепианных концертов, таков он почти в каждой фортепианной пьесе, в романсах.

Современники композитора не раз утверждали, Что в музыке Рахманинова слышится «пафос встревоженной души». И действительно, живя на рубеже девятнадцатого и двадцатого столетий, когда вся Россия дышала и жила ожиданием грядущей революции, он, будучи большим художником, не мог, пусть инстинктивно, не выразить

трепета этого ожидания в своей музыке. Отсюда его пламенная страстность и патетическая приподнятость. Не случайно ему было так понятно и близко творчество другого великого художника, Александра Блока, на слова которого написано множество романсов Рахманинова.

Природа щедро одарила композитора, который был не только создателем замечательных музыкальных произведений, но и первоклассным дирижером и выдающимся пианистом. Напрасно Рахманинов сетовал на то, что, разбрасываясь, он теряет главное. Наоборот, эти три великих дара, отпущенных ему судьбой, дали нам настоящего Рахманинова.

Композитор Рахманинов, безусловно, способствовал расцвету Рахманинова-пианиста и Рахманинова-дирижера, ибо для исполнителя совсем немаловажно понимание законов композиторского мастерства. Рахманинов-дирижер способствовал упрочению Рахманинова-композитора, в творениях которого нет ничего внешнего, показного, но в котором все совершенно. А Рахманинов-пианист помог родиться необычайным по красоте и выразительности, поражающим разнообразием приемов фортепианной техники концертам, этюдам-картинам, прелюдиям и музыкальным моментам.

Но, несмотря на все это, композитора всегда и во всем отличала придирчивая честность и неукротимая требовательность к себе. Став одним из самых популярных пианистов мира, он не боялся в ответ на восторженные слова почитателей критиковать себя самым беспощадным образом. Мариэтта Шагинян вспоминает, например, как после одного, как ей казалось, особенно блистательного выступления Рахманинова, он чуть не плакал оттого, что в «Аппассионате» Бетховена упустил, как ему показалось, главную кульминационную точку.

В жизни Рахманинов был сдержанным, необщительным человеком. И людям, плохо знавшим его, мог даже показаться сухим, замкнутым. На самом же деле доброта и сердечность Рахманинова не знали границ- Он готов был любому прийти на помощь. Родственникам порой даже приходилось ограждать его от назойливых просителей, которые всячески старались использовать эту «слабость» композитора.

Федор Иванович Шаляпин, столетие которого мы отмечали недавно и который был большим другом Рахманинова, считал, что у Сергея Васильевича очень непосредственный, веселый нрав и что более смешливого человека он просто не

встречал. А перед людьми, которых Рахманинов мало знал, он изо всех сил старался быть «застегнутым на все пуговицы», опасаясь, что его могут неправильно понять, неверно истолковать его поступки. Лишь музыке он доверял беспредельно, поверяя ей все самое сокровенное, что подчас невозможно объяснить даже самому близкому человеку. Когда я исполняю произведения Рахманинова, меня не покидает ощущение, что я приоткрываю завесу над чем-то очень чистым, трепетным, личным, что нужно как можно точнее и бережнее донести до слушателя.

Когда-то композитор Метнер сказал о рахманиновской музыке: «Чувствуешь, как буквально в каждой ноте Рахманинова во весь свой могучий рост подымается Россия». Это же чувство возникает, видимо у всех — и не только исполняющих, но и слушающих музыку великого композитора. Думаю, поэтому Рахманинов на всегда и остался с нами и сегодня дорог и близок советским людям.

К 100-летию со дня рождения С. В. Рахманинова
"Работница" 1973 г, № 4
Вероника Дударова,
дирижер, народная артистка РСФСР